

Научная статья | Original paper

Адаптация русскоязычной версии Шкалы временной ориентации на будущее (Future Time Orientation Scale (FTOS))

М.А. Гагарина¹ ✉, Т.Г. Фомина², Н.А. Соловова¹, В. Косциони³

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

² Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
Москва, Российская Федерация

³ Коимбрский университет, Коимбра, Португалия

✉ mgagarina224@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Временная ориентация на будущее — это личная предрасположенность к тому, чтобы психологическое будущее определяло текущее психологическое функционирование. Существующие опросники временной ориентации на будущее либо имеют теоретические и статистические ограничения, либо сосредоточены на других аспектах психологического будущего, что обуславливает актуальность адаптации нового инструмента. **Цель:** адаптация русскоязычной версии Шкалы временной ориентации на будущее В. Косциони, позволяющей оценить степень предрасположенности к тому, чтобы психологическое будущее определяло функционирование в настоящем. **Методы и материалы.** Представлены результаты эмпирического исследования с участием 549 респондентов (66% женщины), средний возраст респондентов 27,08 лет (стандартное отклонение 10,94). С помощью конфирматорного факторного анализа подтверждена двухфакторная структура, по пять и три пункта в каждом. Факторы оценивают «воздействие», т.е. влияние психологического будущего на текущие решения и поведение, и «дистанцию», т.е. восприятие расстояния до будущего соответственно. Подшкалы опросника имеют приемлемый уровень внутренней согласованности. Конвергентная валидность проверялась путем корреляционного анализа с подшкалами опросников Шкала учета будущих последствий и Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо. **Результаты.** Полученные данные указывают на то, что фактор «Дистанция» содержательно может быть интерпретирован как оценка определенного промежутка времени в будущем как длительного или короткого, а субъективная оценка «далеко» или «близко» в будущем — это оценка субъективной готовности ждать наступления события. Фактор «Воздействие» отражает склонность к влиянию психологического будущего на текущие решения и поведение, содержательно тесно связан с переоценкой значимости будущего, по сравнению с настоящим и готовностью отказываться от чего-либо в настоящем ради будущих вознаграждений. **Выводы.** Адаптируемый опросник Временной ориентации на будущее готов к дальнейшему использованию, развитию и тестированию в других исследовательских и практических контекстах. Отмечены ограничения и перспективы исследования.

Ключевые слова: временная перспектива, временная ориентация на будущее, психометрика, конфирматорный факторный анализ, ориентация на учет будущих последствий

Для цитирования: Гагарина, М.А., Фомина, Т.Г., Соловова, Н.А., Косциони, В. (2026). Адаптация русскоязычной версии Шкалы временной ориентации на будущее (Future Time Orientation Scale (FTOS)). *Экспериментальная психология*. Ранний доступ. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2026000001>

Adaptation of the Russian version of the Future Time Orientation Scale (FTOS)

M.A. Gagarina¹ ✉, T.G. Fomina², N.A. Solovova¹, V. Coscioni³

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

³ University of Coimbra, Coimbra, Portugal

✉ mgagarina224@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Future time orientation is a personal predisposition to allow the psychological future to determine current psychological functioning. Existing questionnaires of temporal orientation to the future either have theoretical and statistical limitations or focus on other aspects of the psychological future, which determines the relevance of adapting a new instrument. **Objective.** to adapt the Russian version of the Future Time Orientation Scale (FTOS) V. Coscioni, which allows assessing the degree of predisposition to the psychological future determining functioning in the present. **Methods and materials.** Empirical study involves 549 respondents (66% female); mean age of the respondents 27.08 years (standard deviation 10.94). Using confirmatory factor analysis, a two-factor structure was confirmed, with five and three items each. Factors evaluate “Impact”, i.e. the influence of the psychological future on current decisions and behavior, and “Distance”, i.e. perceptions of time distance into the future accordingly. The subscales of the FTOS have an acceptable level of internal consistency. Convergent validity was tested by correlation analysis with subscales of the Consideration of Future Consequences Scale (CFC-6) and the Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI-15). **Results.** The results indicate that the “Distance” factor can be interpreted as an assessment of a certain period of time in the future as long or short, and the subjective assessment of “far” or “close” in the future is an assessment of the subjective readiness to wait for the occurrence of an event. The “Impact” factor reflects the tendency to influence the psychological future on current decisions and behavior; it is closely related in content to an overestimation of the importance of the future compared to the present and the willingness to give up something in the present for the sake of future rewards. **Conclusions.** It is concluded that FTOS is ready for further use, development and testing in other research and practical contexts. Limitations and prospects of the study are noted.

Keywords: time perspective, future time orientation, psychometrics, confirmatory factor analysis, consideration of future consequences.

For citation: Gagarina, M.A., Fomina, T.G., Solovova, N.A., Coscioni, V. (2026). Adaptation of the Russian version of the Future Time Orientation Scale (FTOS). *Experimental Psychology (Russia)*. Early Access. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2026000001>

Введение

В этой статье основное внимание уделяется конструктору психологического будущего, называемому «временная ориентация на будущее» (Future Time Orientation, FTO), определяемой как личная предрасположенность к тому, чтобы психологическое будущее определяло текущее психологическое функционирование (Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paixão, 2024; Gjesme, 1979). Несмотря на то, что ориентация на будущее может оцениваться и другими психометрическими шкалами, они либо имеют теоретические и статистические ограничения, либо сосредоточены на других аспектах психологического будущего. Таким об-

разом, в данной статье представлен новый инструмент для оценки временной ориентации на будущее.

Существуют две группы теоретических подходов к исследованию психологического будущего: тематические и атематические подходы (Seginer, 2009), основное различие между которыми состоит в том, что первая группа подходов оценивает психологическое будущее через его содержание, а вторая группа — нет. Атематические подходы обычно сосредотачиваются на личностных характеристиках, которые направляют психологические процессы и поведение в будущее. Эти личные характеристики часто описываются как личностные черты (Gjesme, 1979), личностные предрасположенности, или диспозиции (Husman, Shell, 2008) или когнитивные искажения (Zimbardo, Boyd, 1999). Тематические подходы обычно сосредотачиваются на ожиданиях психологического будущего, которые охватывают когнитивные представления о будущем и их мотивационные и поведенческие компоненты (Seginer, 2009). Следовательно, атематический подход обычно оценивает черты и склонности, тогда как тематический подход обычно оценивает представления и состояния (Coscioni et al., 2020). Хотя эти два подхода относятся к разным психологическим конструктам, они скорее дополняют друг друга, чем противоречат друг другу (Gjesme, 1983).

В научном дискурсе существует несколько терминов для обозначения различных аспектов психологического будущего. Ж. Нюттен в соавт. с В. Ленсом (Нюттен, 2004; Nuttin, Lens, 1985) выделили три концепции, связанные с восприятием времени, а именно временную перспективу (time perspective), временную установку (time attitude) и временную ориентацию (time orientation). Временная перспектива (ВП), по мнению Ж. Нюттена — это конфигурация «темпорально локализованных объектов, виртуально заполняющих сознание в определенной ситуации» (Нюттен, 2004, с. 367) и, следовательно, отражает когнитивные представления. «Временная перспектива в собственном значении этого слова, характеризующаяся прежде всего протяженностью, глубиной, насыщенностью, степенью структурированности и уровнем реалистичности» (Нюттен, 2004, с. 354). Временная ориентация (ВО) — «характеризует поведение субъекта и, следовательно, мыслится как преимущественная, доминирующая направленность этого поведения на объекты и события прошлого, настоящего или будущего» (Нюттен, 2004, с. 354–355). Временная установка (ВУ) — «более или менее позитивная, или негативная настроенность субъекта по отношению к прошлому, настоящему или будущему» (Нюттен, 2004, с. 354). Согласно этим определениям, временная ориентация и временная установка относятся к личным предрасположенностям, определяющим то, как на человека влияет психологическое прошлое, настоящее и будущее и как он справляется с ним. В случае установки доминирующим является наличие аффективной окраски, на основании чего, мы бы скорее использовали понятие как «отношение», а не «установка», но здесь и далее сохраним терминологию Ж. Нюттена.

Т. Джесме (Gjesme, 1983) сосредоточил внимание на психологическом будущем и определил временную ориентацию на будущее (Future Time Orientation) как «общую способность предвидеть, проливать свет и структурировать будущее, включая когнитивную разработку планов и проектов, и отражающую степень беспокойства и участие в будущем» (Gjesme, 1983, с. 452). Он различал временную ориентацию на будущее (future time orientation, FTO) и ориентацию на будущее (future orientation, FO); первое как свойство личности, а второе как проявления ориентации на будущее время в конкретных задачах — следовательно, состояние. Согласно этим определениям, ориентация на будущее включает

в себя то, что Нюттен описал как ВП будущего (Future time perspective, FTP), «формируемую более или менее отдаленными целевыми объектами, которые обрабатываются человеком» (Нюттен, 2004, с. 368). Кроме того, ВП будущего (FTP), также может рассматриваться как когнитивное искажение (Zimbardo, Boyd, 1999) или восприятие оставшегося времени жизни (Carstensen, Isaacowitz, Charles, 1999). То есть, термин ВП будущего (FTP) используется для обозначения как свойств, так и состояний. В свою очередь, термины временная ориентация на будущее (FTO) и ориентация на будущее (FO) более согласованно используются для описания граней психологического будущего, оцениваемых атематическим и тематическим подходами соответственно. Ориентация на будущее включает в себя когнитивные представления, мотивы и поведение по отношению к будущему, тогда как временная ориентация на будущее обозначает личную предрасположенность к тому, чтобы психологическое будущее повлияло на текущее психологическое функционирование (Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paixão, 2024).

Оценка временной ориентации на будущее

Существует несколько математических психометрических показателей, оценивающих временную перспективу будущего (Future Time Perspective, FTP) и временную ориентацию на будущее (Future Time Orientation, FTO). Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (Zimbardo, Boyd, 1999), Шкалы временной ориентации Temporal orientation scale (Holman, Silver, 1998) и Time orientation scale (Bowles, 1999) — являются примерами опросников, которые позволяют диагностировать временные ориентации прошлое, настоящее и будущее. Однако эти временные ориентации так же могут быть определены и по речевым маркерам (Park et al., 2017). Еще один опросник — это Шкала учета будущих последствий (Strathman et al., 1994) — является примером атематического показателя, который дает общую оценку влияния психологического будущего на настоящее. Если обратиться к русскоязычным версиям, то переведены и адаптированы Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо — полная (Сырцова, Соколова, Митина, 2008) и краткая версии (Нестик, Никишина, 2021), а также полная и краткая версии Опросника ориентации на учет будущих последствий, измеряющего «готовность личности принимать во внимание последствия своего сегодняшнего поведения, а также меру того влияния, которое эти последствия на них окажут» (Нестик, 2020б, с. 56).

Первый опросник временной ориентации на будущее был разработан в 1975 году и содержал только шесть пунктов, позднее, в 1979 были добавлены еще восемь пунктов (Coscioni et al., 2020). Затем, методом главных компонент были выделены 4 субшкалы: (1) вовлеченность — включает в себя заботу о будущем; (2) предвосхищение — подразумевает способность предвидеть будущее; (3) занятие — обозначает ощущение длительности времени; и (4) скорость — относится к ощущению скорости времени (Gjesme, 1979).

Шкала временной ориентации на будущее

В данной статье описана адаптация нового инструмента для оценки конструкта «временная ориентация на будущее» Шкалы временной ориентации на будущее (Future Time Orientation Scale, далее — FTOS), которая была разработана международной группой исследователей из Университета Коимбры, Португалия, и Федерального университета Риу-Гранди-ду-Сул, Бразилия. В создании его контента участвовали команды из восьми других

стран (Китай, Колумбия, Финляндия, Израиль, Италия, Нидерланды, Испания и США) (Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paixão, 2024). FTOS уже адаптирована в Бразилии, Китае, Португалии и США, а также в Словакии и Словении, присоединившихся к проекту на более позднем этапе. В настоящее время FTOS адаптируется в Индии, Индонезии, Италии, Малайзии, Мексике, Нидерландах, Израиле, Турции, Испании и России (Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paixão, 2024).

FTOS была задумана как трехфакторная для различения связности, валентности и дистанции. Связанность определяется как склонность устанавливать связи между текущими действиями и потенциальными долгосрочными последствиями. Валентность определяется как склонность придавать значение будущему. Дистанция описывается как склонность воспринимать временную дистанцию в будущем. Однако в психометрическом исследовании была подтверждена двухфакторная структура опросника, включающая шкалы связность (5 пунктов) и дистанция (3 пункта). FTOS продемонстрировала отличные психометрические свойства в трех исследованиях, которые включали пять различных выборок, состоящих в общей сложности из 3316 участников из Бразилии и Португалии. Достоверность модели была подтверждена с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа (ЭФА и КФА). С помощью корреляционного анализа с беспокойством и отсрочкой удовлетворения подтверждена конструктивная валидность. Мультигрупповой КФА подтвердил, что FTOS инвариантна в зависимости от пола, возраста, образования, профессии, культуры, а также проблем и последствий, связанных с Covid-19. Надежность проверялась с использованием четырех типов коэффициентов. Таким образом, сделан вывод, что FTOS готова к дальнейшему использованию, разработке и тестированию в других контекстах (Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paix o, 2024). Итоговая структура опросника выглядит следующим образом: FTOS состоит из восьми пунктов, которые учитывают два фактора. Первый фактор, названный «воздействие» (impact), включает в себя пять пунктов, изначально относящихся к субшкалам связности и валентности. Он отражает склонность к влиянию психологического будущего на текущие решения и поведение. Второй фактор, названный «дистанция», состоит из трех пунктов, которые оценивают восприятие времени в будущем.

Материалы и методы

Участники исследования. Всего в текущем исследовании приняли участие 602 респондента, 27 протоколов оказались неполными, 6 респондентов оказались иностранцами и 3 респондента были исключены из-за возраста. 17 респондентов допустили ошибку в контрольном вопросе. Таким образом, в анализ были включены 549 протоколов (66% женщины). Средний возраст респондентов — 27,08 лет (стандартное отклонение — 10,94). По данным социально-демографической анкеты, уровень образования респондентов: высшее образование (бакалавриат) — 13%, высшее образование (магистратура) — 8%, неоконченное высшее — 35%, неоконченная магистратура — 19%, среднее и среднее специальное образование — 20%.

Процедура и инструментарий. Исследование состояло из трех этапов. Первый этап — включал прямой и обратный перевод утверждений англоязычной версии опросника. Всего было задействовано 4 переводчика: 2 студента-билингва и 2 профессиональных переводчика. Результаты обратного перевода обсуждались с автором опросника. Второй этап — после получения согласованных версий перевода на русский язык, было проведено

10 интервью с респондентами на предмет понимания вопросов опросника. По результатам обсуждения с участниками и автором опросника были внесены небольшие правки в формулировки утверждений опросников. Третий — основной этап исследования включал распространение анкет. В анкету, помимо FTOS вошли ряд вопросов на социально-демографические характеристики (аналогичны вопросам в анкетах других стран), Опросник временной перспективы Зимбардо (ZTPI-15) (Нестик, Никишина, 2021), краткая версия Опросника ориентации на учет будущих последствий (CFC-6) (Нестик, 2020б).

Методы.

Временная ориентация на будущее обозначает личную predisposition к тому, чтобы психологическое будущее определяло текущее психологическое функционирование, что предполагает способность оценивать расстояние до событий в будущем и видеть их «достижимыми» не только с точки зрения удаленности событий времени, но и с точки зрения приложения собственных усилий. Граница между ближайшим и отдаленным будущим составляет 2 года (Нюттен, 2004), то есть, содержание шкалы «Дистанция», помимо оценки протяженности времени, указывает на разницу между краткосрочной и долгосрочной ориентацией личности. Содержание шкалы «Воздействие» — это признание ценности событий будущего и их влияния на действия в настоящем.

Для оценки конвергентной валидности опросника были использованы следующие психодиагностические инструменты:

1. ZTPI-15 (Нестик, Никишина, 2021). Опросник разработан на основе полной версии методики в русскоязычной адаптации А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой и О.В. Митиной. В краткий вариант вошли 15 утверждений, наиболее широко используемых в сокращенных версиях. Респонденты оценивали приведенные утверждения с позиции «Насколько это характерно или верно в отношении Вас?». Каждое утверждение оценивалось по 5-балльной шкале от 1 — «совершенно неверно» до 5 — «совершенно верно». Измеряемые шкалы: негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее.

2. Методика CFC-6 (Нестик, 2020б), направленная на измерение одного из компонентов долгосрочной ориентации — ориентации личности на учет будущих последствий. Опросник включает 6 утверждений, которые респонденты должны оценить по 7-балльной шкале от 1 — «совершенно не соответствует моим представлениям о себе» до 7 — «полностью соответствует моим представлениям о себе». Обработка происходит по трем шкалам: 1 — Ориентация на учет последствий ближайшего будущего; 2 — Ориентация на учет последствий отдаленного будущего; 3 — Ориентация на учет будущих последствий.

Обработка данных. Для проверки соответствия факторной структуры оригинального и русскоязычного опросника был использован подтверждающий факторный анализ (КФА): проверялись однофакторное и двухфакторное решения. Для шкал опросника рассчитывались описательные статистики, для проверки их надежности использовались α -Кронбаха и ω -Мак-Дональда. Для проверки валидности использовались коэффициенты корреляции. Все вычисления проводились в R.

Результаты

Проверка факторной структуры опросника

Оригинальная версия опросника (Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paixão, 2024) имеет двухфакторное решение — рис. 1 (размещен с согласия V. Coscioni).

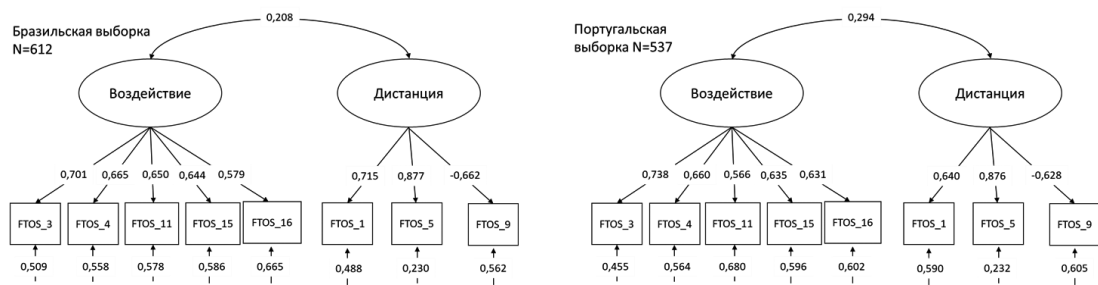

Рис. 1. Факторная структура FTOS (Бразильская и Португальская выборки),
(Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paixão, 2024)

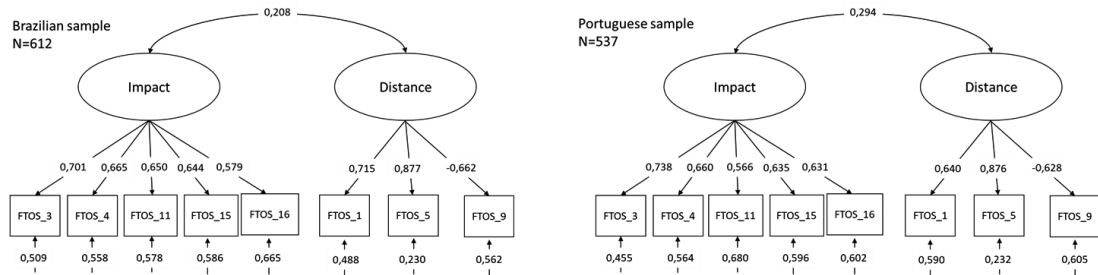

Fig. 1. Factor structure of FTOS (Brazilian and Portuguese samples),
(Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paixão, 2024)

Нами было проведено сравнение показателей моделей при однофакторном и двухфакторном решении на русскоязычной выборке, результаты приведены в таблице 1. Для оценки согласия факторных решений использовались три индекса соответствия: аппроксимация среднеквадратической ошибки (RMSEA, Root Mean Squared Error of Approximation), индекс сравнительного соответствия (CFI, Comparative Fit Index) и индекс Такера-Льюиса (TLI, Tucker-Lewis Index). Пороговые значения, указывающие на хорошее соответствие, составляли: $RMSEA < 0,08$, $SRMR < 0,08$, $CFI \geq 0,95$ и $TLI \geq 0,95$ (Schreiber, et al., 2006).

Таблица 1 / Table 1

**Конфирматорный факторный анализа, индексы соответствия моделей
при однофакторном и двухфакторном решении (N=549)**

**Confirmatory factor analysis, indices of model fit for one-factor and two-factor
solutions (N=549)**

Модель / Model	$\chi^2(df)$	p	RMSEA [90% CI]	CFI	TLI	SRMR
M1	188,981 (20)	<0,001	0,124[0,111; 0,138]	0,898	0,857	0,057
M2	42,415 (19)	<0,01	0,047[0,030; 0,064]	0,966	0,950	0,043

Примечание: M1 – однофакторная модель; M2 – двухфакторная модель.

Note: M1 – one-factor model; M2 – two-factor model.

В табл. 1 можно видеть, что показатели двухфакторной модели указывают на хорошее соответствие, в отличие от однофакторной.

Так, отношение хи квадрат к числу степеней свободы для однофакторной модели составляет 9,5, а для двухфакторной – 2,2, при том, что модель считается хорошей при этом показателе от 1 до 3. RMSEA, CFI, TLI – рекомендованные значения, соблюдаются только в двухфакторной модели. SRMR (Standardized Root Mean Square Residual) – рекомендованные значения: <0,08, в обеих моделях соблюдаются.

Таким образом, для русскоязычной выборки тоже будет использоваться двухфакторная структура опросника, значения факторных нагрузок и корреляций между факторами приведены на рис. 2.

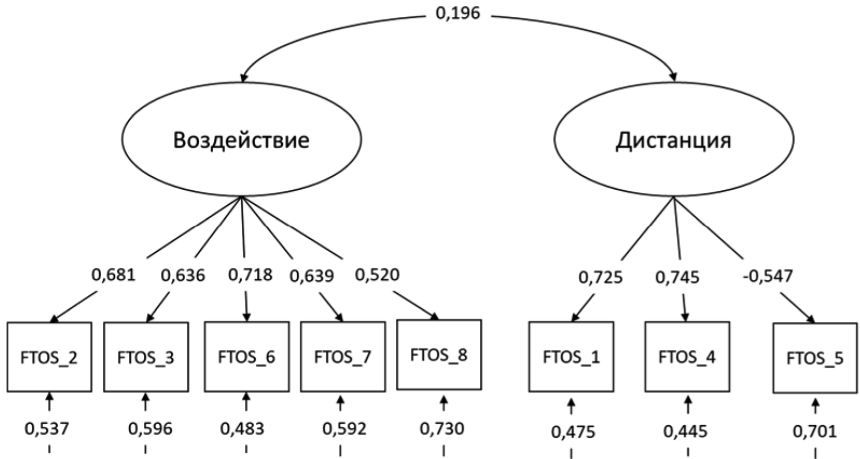

Рис. 2. Факторная структура русскоязычной версии FTOS (N=549)

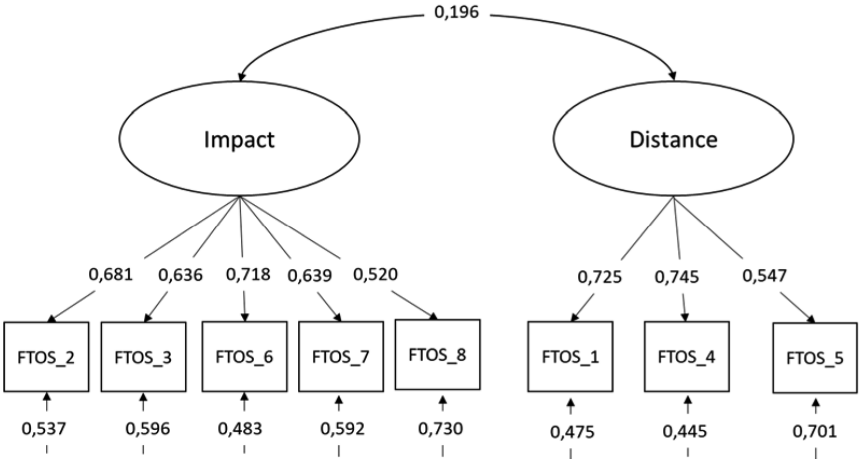

Fig. 2. Factor structure of the Russian-language version of FTOS (N=549)

Оценка внутренней согласованности подшкал FTOS

В таблице 2 представлены описательная статистика и показатели внутренней согласованности отдельных подшкал опросника FTOS.

Таблица 2 / Table 2

Описательная статистика и показатели надежности подшкал FTOS (N=549)
Descriptive statistics and reliability indices of FTOS subscales (N=549)

Шкалы / Scales	Описательная статистика / Discriptive statistics				Показатели надежности / Reliability coefficienty	
	M	SD	skew	kurt	Мак-Дональда / McDonald	α Кронбаха / Cronbach
Дистанция / Distance	4,32	1,22	-0,21	-0,28	0,71	0,71
Воздействие / Impact	5,38	0,88	-0,74	1,27	0,78	0,77

Примечание: M — среднее значение, SD — стандартное отклонение, skew — асимметрия, kurt — эксцесс.

Note: M — Mean, SD — Standard Deviation, skew — skewness, kurt — kurtosis.

Значения коэффициентов надежности выше 0,7. Полученные результаты свидетельствуют о приемлемом уровне согласованности пунктов обеих подшкал опросника.

Достоверных различий между мужчинами (M(дист)=4,44; SD=1,15; M(возд.)=5,45; SD=0,92) и женщинами (M(дист)=4,27; SD=1,25; M(возд.)=5,36; SD=0,85) по шкалам «Дистанция» и «Воздействие» обнаружено не было.

Конвергентная валидность

Конвергентная валидность проверялась путем сопоставления результатов теста с результатами, полученными с помощью методов, оценивающих различные аспекты временной перспективы и готовность учитывать последствия в ближайшем и отдаленном будущем. В таблице 3 представлены результаты оценки взаимосвязей между подшкалами FTOS, ZTPI-15 и CFC-6.

Таблица 3 / Table 3

**Коэффициенты корреляции между подшкалами опросника
FTOS, ZTPI-15 и CFC-6 (N=549)**
**Correlation coefficients between the subscales of the FTOS,
ZTPI-15 and CFC-6 (N=549)**

Подшкалы / Subscales	CFC_бл. CFC_im.	CFC_отд. CFC_dist.	ZTPI_НП ZTPI_NP	ZTPI_ГН ZTPI_HP	ZTPI_Б ZTPI_F	ZTPI_ПП ZTPI_PP	ZTPI_ФН ZTPI_FP
FTOS_ Дистанция / Distance	-0,16*	0,11	-0,08	0,02	0,09	-0,02	-0,06
FTOS_ Воздействие / Impact	-0,37**	0,64**	-0,10	0,07	0,48**	-0,16*	-0,24**

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; CFC_бл. — учет последствий ближайшего будущего; CFC_отд. — учет последствий отдаленного будущего; Временные перспективы: ZTPI_НП — негативное прошлое, ZTPI_ГН — гедонистическое настоящее, ZTPI_Б — будущее, ZTPI_ПП — позитивное прошлое, ZTPI_ФН — фаталистическое настоящее.

Note: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; CFC_im. — consideration of immediate future consequences; CFC_dist. — consideration of the distant future consequences; Time perspectives: ZTPI_NP — negative past, ZTPI_HP — hedonistic present, ZTPI_F — future, ZTPI_PP — positive past, ZTPI_FP — fatalistic present.

Подшкала «Дистанция» опросника FTOS образует только одну слабую обратную достоверную корреляцию — со шкалой учета последствий в ближайшем будущем CFC-6. Содержание этой шкалы FTOS отражает границы между краткосрочной и долгосрочной перспективой и общее восприятие времени в будущем (Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paixão, 2024), а не способность предвидеть будущее, вероятно по этой причине отсутствует корреляция со шкалой «Будущее» ZTPI-15. Невысокая обратная связь с учетом последствий ближайшего будущего указывает на то, что все же содержательно эта подшкала включает готовность ограничивать свои сиюминутные потребности, однако основное содержание связано с тем, как человек оценивает течение времени в будущем не улавливается методиками, использованными для валидизации. В оригинальной методике (Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paixão, 2024) проверялись связи факторов с подшкалой достижений Шкалы отложенного вознаграждения (Delaying gratification inventory, DGI) (Hoerger, Quirk, Weed, 2011), оценивающей готовность усердно работать для достижения долгосрочных целей и подшкалой беспокойства Шкалы способностей к карьерной адаптации (Career adaptabilities scale (CAAS), concern subscale) (Savickas, Porfeli, 2012). Подшкала «Дистанция» продемонстрировала только слабые корреляции. Это говорит о том, что то, как человек оценивает течение времени в будущем, не связано с другими мотивационными переменными психологического будущего.

Подшкала «Воздействие» опросника FTOS образует высокую положительную достоверную корреляцию со шкалой учета последствий отдаленного будущего Шкалы учета будущих последствий (CFC-6) и шкалой «Будущее» ZTPI-15, а также обратные достоверные корреляции со шкалой ориентации на ближайшее будущее (CFC-6) и временными перспективами позитивное прошлое (низкая) и фаталистическое настоящее. Содержание этой шкалы описывается как направленное на оценку влияния психологического будущего на текущие решения и поведение. В этой связи выглядит вполне закономерным высокая ориентация на будущее при принятии решений и высокая оценка влияния последствий отдаленного будущего в сочетании с низкой значимостью прошлого и настоящего не подлежащего субъективному контролю. Это также подтверждают и корреляции шкалы оригинальной методики с беспокойством в отношении карьерной адаптации (CAAS) и отложенным вознаграждением (DGI) (Coscioni, Oliveira, Teixeira, Paixão, 2024).

Обсуждение результатов

В данной статье приведены результаты валидизации русскоязычной версии опросника Временной ориентации на будущее. Для анализа факторной структуры опросника нами использовался конфирматорный факторный анализ, подтвердивший двухфакторную структуру, как и в оригинальной методике. Показатели модели свидетельствуют о высоком уровне соответствия. Выбор в пользу конфирматорного, а не эксплораторного факторного анализа обусловлен тем, что мы проверяли теоретически обоснованную модель опросника, уже прошедшего процедуру валидизации на других языках. Конвергентная валидность подтверждена связями с другими конструктами — ВП будущего и ориентацией на учет будущих последствий. Временная ориентация на будущее не является одномерной и включает два фактора: дистанция (3 п.) и воздействие (5 п.). Опросник FTOS продемонстрировал приемлемый уровень согласованности пунктов подшкал. Фактор «Дистанция» содержательно может быть интерпретирован как оценка определенного промежутка време-

ни в будущем как длительного или короткого. Если обратиться к исследованиям восприятия длительности времени в общей психологии, то А.В. Солодкова в своем обзоре отмечает, что «набирают популярность когнитивные модели восприятия времени, которые наряду с перцептивными включают в себя и другие познавательные процессы, такие как память и внимание» (Солодкова, 2017, с. 82). Однако в нашем случае скорее речь идет о восприятии времени не только в контексте познавательных процессов, поскольку речь не идет о точности оценки временного интервала (в минутах или секундах). Субъективная оценка «далеко» или «близко» применительно к годам — это оценка субъективной готовности ждать наступления события, то есть, готовность к отложенному вознаграждению и ориентация на учет последствий отдаленного будущего. Наличие слабой обратной связи с ориентацией на учет последствий ближайшего будущего означает, что субъективное ощущение временного интервала в будущем как более отдаленного связана с более высокой значимостью ближайших событий (по сравнению с отдаленными).

Фактор «Воздействие» отражает склонность к влиянию психологического будущего на текущие решения и поведение. Содержательно он тесно связан с переоценкой значимости будущего, по сравнению с настоящим и готовностью отказываться от чего-либо в настоящем ради будущих вознаграждений.

Хотя в нашем исследовании изучались различные психометрические свойства FTOS, и методика имеет хорошие показатели валидности и надежности, тем не менее необходимо отметить ограничения, которые могут быть преодолены в будущих исследованиях. Во-первых, необходимо провести исследование тест-ретестовой надежности методики путем повторного измерения показателей одних и тех же респондентов. Во-вторых, содержание шкалы «Дистанция» нуждается в уточнение, что может быть сделано через анализ взаимосвязей с ценностно-мотивационными, когнитивными, аффективными и поведенческими компонентами долгосрочной ориентации, например, со Шкалами опросника долгосрочной ориентации личности Т.А. Нестика (Нестик, 2020а), а также с переменными, связанными с восприятием времени, его протяженности. В последнее время количество исследований ориентации на будущее и временной ориентации на будущее достаточно высоко. Эти показатели рассматриваются как в качестве факторов, так и медиаторов в таких областях как психическое здоровье (Xiao, Cai, Yang, 2024), карьера (Chen et al., 2023; Hu, Hood, Creed, Shen, 2025) обучение (Song et al., 2023), финансовое (She, Ma, Pahlevan Sharif, Karim, 2024) и нравственное (Zhang, Zhao, Zhang, Guo, 2024) поведение. В качестве еще одной перспективы следует отметить использование FTOS в кросс-культурных исследованиях, предпосылкой является включенность в проект по адаптации методики исследователей из разных стран, а с другой — уже отмеченные кросс-культурные различия в темпоральных характеристиках (Olivera-Figueroa et al., 2023; Sircova et al., 2014; Yeganeh, 2024).

Выводы

Эта статья включает в себя результаты адаптации русскоязычной версии Шкалы временной ориентации на будущее FTOS. FTOS продемонстрировала хорошие психометрические свойства. Достоверность внутренней структуры подтверждалась КФА. Надежность подшкал подтверждена с помощью коэффициентов Кронбаха и Мак-Дональда. Конвергентная валидность подтверждена взаимосвязями с показателями временной перспективы и ориентацией на учет будущих последствий. Шкала временной ориентации на

будущее, несмотря на некоторые ограничения, является валидным и надежным инструментом и имеет широкие перспективы для проведения исследований.

Ограничения. При проверке надежности получен приемлемый уровень согласованности пунктов подшкал. При проверке конвергентной валидности, подшкала «Дистанция» продемонстрировала только слабые корреляции.

Limitations. Reliability testing yielded an acceptable level of consistency across subscale items. Convergent validity testing revealed only weak correlations for the “Distance” subscale.

Список источников / References

1. Нестик, Т.А. (2020а). Долгосрочная ориентация личности: состояние и перспективы исследований. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 5(3(19)), 110–140. <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005>
Nestik, T.A. (2020a). Long-term orientation of personality: state and prospects for research. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 5(3(19)), 110–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005>
2. Нестик, Т.А. (2020б). Ориентация на учет будущих последствий: результаты апробации методики CFC-14 на русскоязычной выборке. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 5(3), 55–88.
Nestik, T.A. (2020b). Russian validation of the consideration of future consequences scale (CFC-14). *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*, 5(3), 55–88. (In Russ.).
3. Нестик, Т.А., Никишина, О.С. (2021). Отношение к пандемии и временная перспектива личности: психометрические характеристики краткой версии Стэнфордского опросника временной перспективы. *Ярославский психологический вестник*, 3(51), 29–36.
Nestik, T.A., Nikishina, O.S. (2021). Attitudes towards the pandemic and individual time perspective: Russian validation of the short version of the Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI-15). *Yaroslavl Psychological Bulletin*, 3(51), 29–36. (In Russ.).
4. Нюттен Ж. (2004). Мотивация, действие и перспектива будущего. В: Д.А. Леонтьев (Ред.). М.: Смысл.
Nuttin J. (2004). Motivation, action and future time perspective. In: D.A. Leontiev (Ed). Moscow: Smysl. (In Russ.).
5. Солодкова, А.В. (2017). Исследования восприятия времени в современной психологии. *Современная зарубежная психология*, 6(3), 77–85. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060309>
Solodkova, A.V. (2017). Study of time perception in modern psychology. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 6(3), 77–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060309>
6. Сырцова, А., Соколова, Е.Т., Митина, О.В. (2008). Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо. *Психологический журнал*, 29(3), 101–109.
Syrcova, A., Sokolova, E.T., Mitina, O.V. (2008). Adaptation of Zimbardo Time Perspective Inventory. *Psychological Journal*, 29(3), 101–109. (In Russ.).
7. Bowles, T. (1999). Focusing on time orientation to explain adolescent self-concept and academic achievement: part II testing a model. *Journal of Applied Health Behavior*, 1, 1–8.
8. Carstensen, L.L., Isaacowitz, D.M., Charles, S.T. (1999). Taking time seriously: A theory of socioemotional selectivity. *American Psychologist*, 54(3), 165–181. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.54.3.165>
9. Chen, H., Wu, Y., Jiang, L. Xu, B., Gao, X., Cai, W. (2023). Future orientation and perceived employability of Chinese undergraduates: a moderated mediation model. *Current Psychology*, 42, 27127–27140. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03769-6>
10. Coscioni, V., Oliveira, I.M., Teixeira, M.A.P., Paix o, M.P. (2024). Future Time Orientation Scale: a new measure to assess the psychological future. *Current Psychology*, 43, 10703–10720. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-05193-w>

11. Coscioni, V., Teixeira, M.A.P., Damásio, B.F., Dell’Aglío, D.D., Paixão, M.P. (2020). Perspectiva temporal futura: Teorias, construtos e instrumentos. *Revista Brasileira de Orientação Profissional*, 21(2), 215–232. (In Port.). <https://doi.org/10.26707/1984-7270/2020v21n208>
12. Gjesme, T. (1979). Future time orientation as a function of achievement motives, ability, delay of gratification, and sex. *Journal of Psychology*, 101, 173–188. <https://doi.org/10.1080/00223980.1979.9915069>
13. Gjesme, T. (1983). On the concept of future time orientation: Considerations of some functions’ and measurements’ implications. *International Journal of Psychology*, 18(1-4), 443–461. <https://doi.org/10.1080/00207598308247493>
14. Hoerger, M., Quirk, S.W., Weed, N.C. (2011). Development and validation of the Delaying Gratification Inventory. *Psychological Assessment*, 23(3), 725–738. <https://doi.org/10.3200/JOER.99.6.323-338>
15. Holman, E.A., Silver, R.C. (1998). Getting “stuck” in the past: Temporal orientation and coping with trauma. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(5), 1146–1163. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.5.1146>
16. Hu, S., Hood, M., Creed, P.A., Shen, X. (2025). The relationship between career-related future time orientation and employment outcomes: a time-lagged study. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 25, 1365–1384. <https://doi.org/10.1007/s10775-024-09673-8>
17. Husman, J., Shell, D.F. (2008). Beliefs and perceptions about the future: A measurement of future time perspective. *Learning and Individual Differences*, 18(2), 166–175. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2007.08.001>
18. Nuttin, J.R., Lens, W. (1985). Future time perspective and motivation: Theory and research method. New York: Psychology Press.
19. Olivera-Figueroa, L.A., Muro, A., Feliu-Soler, A., Chishima, Y., Jankowski, K.S., Allen, M.T., Servatius, R.J., Unger, A., Papastamatelou, J. (2023). The role of time perspective and mindfulness on life satisfaction in the United States of America, Spain, Poland and Japan: A cross-cultural study. *Current Psychology*, 42, 17682–17699. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02756-1>
20. Park, G., Schwartz, H.A., Sap, M., Kern, M.L., Weingarten, E., Eichstaedt, J.C., Berger, J., Stillwell, D.J., Kosinski, M., Ungar, L.H., Seligman, M.E. (2017). Living in the Past, Present, and Future: Measuring Temporal Orientation with Language. *Journal of Personality*, 85(2), 270–280. <https://doi.org/10.1111/jopy.12239>
21. Savickas, M.L., Porfeli, E.J. (2012). Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries. *Journal of Vocational Behavior*, 80(3), 661–673. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2012.01.011>
22. Schreiber, J.B., Nora, A., Stage, F.K., Barlow, E.A., King, J. (2006). Reporting structural equation modeling and confirmatory factor analysis results: A review. *The Journal of Educational Research*, 99(6), 323–338.
23. Seginer, R. (2009). Future orientation: Developmental and ecological perspectives. New York: Springer. <https://doi.org/10.1007/b106810>
24. She, L., Ma, L., Pahlevan, Sharif, S., Karim, S. (2024). Millennials’ financial behaviour and financial well-being: the moderating role of future orientation. *Journal of Financial Services Marketing*, 29, 1207–1224. <https://doi.org/10.1057/s41264-024-00281-9>
25. Sircova, A., van de Vijver, F.J.R., Osin, E., Milfont, T.L., Fieulaine, N., Kislali-Erginbilgic, A., Zimbardo, P.G., Djarallah, S., Chorfi, M.S., Leite, U. do R., Lin, H., Lv, H., Bunjevaca, T., Tomaš, T., Punek, J., Vrlec, A., Matić, J., Bokulić, M., ... Boyd, J.N. (2014). A Global Look at Time: A 24-Country Study of the Equivalence of the Zimbardo Time Perspective Inventory. *Sage Open*, 4(1), 1–12. <https://doi.org/10.1177/2158244013515686>
26. Song, R., Chen, L., Zhang, L., Yu, F., Zhang, W. (2023). Profiles and Developmental Transitions of Educational Future Orientation among Senior High School Students in China. *Journal of Youth and Adolescence*, 52, 2214–2229. <https://doi.org/10.1007/s10964-023-01806-6>
27. Strathman, A., Gleicher, F., Boninger, D.S., Edwards, C.S. (1994). The consideration of future consequences: Weighing immediate and distant outcomes of behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 66(4), 742–752. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.66.4.742>

28. Xiao, X., Cai, J., Yang, Q. (2024). The relationship between internet addiction and adolescent learning engagement: the role of future orientation and cognitive reappraisal. *Current Psychology*, 43, 23103–23114. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-05982-x>

29. Yeganeh, H. (2024). Conceptions of time, socioeconomic development and cultural values. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 44(7/8), 760–775. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-11-2023-0305>

30. Zhang, J., Zhao, H., Zhang, H., Guo, M. (2024). Future orientation and moral judgment in Chinese youths: the mediating role of moral disengagement and the moderating role of self-control. *Current Psychology*, 43, 5568–5579. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04760-5>

31. Zimbardo, P.G., Boyd, J. (1999). Putting time in perspective: a valid, reliable individual- differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77, 1271–1288. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271>

Приложение / Appendix

Приложение. Шкала временной ориентации на будущее.

Шкала временной ориентации на будущее

Инструкция. Мы хотели бы знать о том, как вы представляете себя в будущем. Пожалуйста, уделите немного времени, чтобы поразмышлять, как Вы в целом думаете, чувствуете и поступаете в отношении будущего, и заполните бланк, расположенный ниже. Для каждого предложения, пожалуйста, выберите графу / вариант, который лучше отражает, насколько вы согласны с утверждением. Ваши ответы могут варьировать от «совершенно не согласен» до «полностью согласен». Вы увидите, что предложения касаются будущего в целом, не вызывая ассоциаций с конкретными сферами жизни. Попытайтесь ответить на вопросы анкеты, имея в виду свои мысли, чувства и поступки в отношении будущего в целом

	Совершенно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Нечто среднее	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
1) Два года в будущем кажутся мне коротким периодом времени							
2) Принимая решения, я тщательно обдумываю, как мой выбор может повлиять на будущее							
3) Я ценю те виды деятельности, которые могут принести мне пользу в долгосрочной перспективе							
4) Для меня то, что произойдет через два года, кажется относительно близким							
5) Когда я думаю о том, что произойдет через два года, мне кажется, что впереди еще уйма времени							
6) Когда я чего-то хочу, я тщательно обдумываю, что мне нужно сделать, чтобы достичь этого в будущем							

	Совершенно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Нечто среднее	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
7) Я осознаю связь между тем, что я делаю сейчас, и тем, что может случиться со мной в будущем							
8) Я жертвую чем-то в настоящем, если думаю, что это может принести мне пользу в будущем							

Ключ:

Шкала «Воздействие»: 2, 3, 6, 7, 8

Шкала «Дистанция»: 1, 4, 5г

По шкалам рассчитываются средние значения, п. 5 переводится из восходящей шкалы в нисходящую.

Информация об авторах

Мария Анатольевна Гагарина, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО «Финансовый университет»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagarina224@gmail.com

Татьяна Геннадьевна Фомина, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБУН «ФНЦ ПМИ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5097-4733>, e-mail: tanafomina@mail.ru

Надежда Анатольевна Соловова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО «Финансовый университет»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1112-0759>, e-mail: solovovana@gmail.com

Винисиус Косциони, PhD (психология), факультет психологии и педагогики, Коимбрский университет, Коимбра, Португалия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4007-957X>, e-mail: viniciuscoscioni@gmail.com

Information about the authors

Maria A. Gagarina, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>, e-mail: mgagarina224@gmail.com

Tatiana G. Fomina, Candidate of Science (Psychology), Leading Researcher, Department of Self-Regulation Psychology, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5097-4733>, e-mail: tanafomina@mail.ru

Nadezhda A. Solovova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1112-0759>, e-mail: solovovana@gmail.com

Vinicius Coscioni, PhD in Psychology, Faculty of Psychology and Pedagogy, University of Coimbra, Coimbra, Portugal, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4007-957X>, e-mail: viniciuscoscioni@gmail.com

Вклад авторов

Гагарина М.А. — идеи исследования; написание и оформление рукописи; планирование исследования; сбор и анализ данных.

Фомина Т.Г. — сбор и анализ данных; редактирование рукописи; визуализация результатов исследования.

Соловова Н.А. — сбор и анализ данных; аннотирование и общее редактирование рукописи.

Косциони В. — концепция, применение статистических и математических методов для анализа данных; общий контроль за проведением исследования и курирование всего проекта.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Maria A. Gagarina — ideas; writing and design of the manuscript; planning of the research; data collection and analysis.

Tatiana G. Fomina — data collection and analysis; manuscript editing; visualization of research results.

Nadezhda A. Solovova — data collection and analysis; annotation and general editing of the manuscript.

Vinicius Coscioni — conceptualization, application of statistical and mathematical methods for data analysis; overall supervision of the study and the entire project.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 27.09.2024

Поступила после рецензирования 31.01.2025

Принята к публикации 02.06.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2024.09.27

Revised 2025.01.31

Accepted 2025.06.02

Published 2025.12.30